

ILYA MAZUR

ДРУЗЬЯ ИЗ
ВЫСШЕГО КРУГА

Ілюа Mazur

Друзья из высшего круга

«Автор»

2026

Mazur I.

Друзья из высшего круга / I. Mazur — «Автор», 2026

Война — это не только линия фронта и гул моторов. Это место, где предательство и подвиг меняются лицами, а выбор становится роскошью, которой у героев почти не остаётся. Эта история — о грани, где ненависть оборачивается доверием, а враги становятся братьями. И о том, что даже среди войны можно найти человека, за которого стоит идти до конца.

© Mazur I., 2026

© Автор, 2026

Июа Mazur

Друзья из высшего круга

Вступление

«Приветствую вас. Я — Рассказчик.

Скажите, что соединяет людей крепче, чем общая ненависть? Или чем общая беда? А может быть, — общая вина, которую не смыть, и общее небо, в котором нет прощения? Война — это не только география и линии фронта. Это ещё и тонкая грань, где предательство и подвиг меняются местами, и никто не знает, на какой стороне окажешься, когда прижмёт. Сегодня я расскажу вам о человеке, который балансировал на этой грани. О том, у кого не было права на выбор, но он всё равно выбирал. Чем это обернётся для него и для тех, кто оказался рядом? Увидите. Если успеете дослушать до конца.

Тише. Слышите? Где-то далеко уже гудят моторы. Пора начинать.»

Глава первая

Алексей спал сидя.

Вжатый в рваный борт грузовика, он уже не чувствовал ни вибрации мотора, ни толчков на ухабах. Только гул в висках и пересохший рот. Пальцы сами собой сжимались в кулаки, даже сквозь сон.

— Подъём. Прибыл.

Толчок в плечо пришёлся в то место, где под курткой ещё не зажил ожог от кабины. Алексей дёрнулся, распахнул глаза и наткнулся на взгляд майора. Холодный, изучающий, без капли участия.

— Чё смотришь? Вставай.

Голос резанул, как лопасть. Алексей попытался выпрямиться, но тесный, пропахший соляжкой кузов грузовика выгнул его в неестественной позе — позвоночник хрустнул, затылок упёрся в железный борт. Он перевалился через край, ударился кирзовыми сапогами о подножку и спрыгнул на землю.

Земля была твёрдой, утоптанной до каменной корки. Подошвы чавкнули о пыль.

Он выпрямился, провёл ладонью по лицу. От ладони пахло гарью и машинным маслом. Зажмурился на секунду, потом открыл глаза.

Солнце висело низко, белое, слепящее. Выжигало горизонт. Слева лязгнул подъёмный кран, перетаскивая бомбу на тележку. Где-то за спиной заревел мотор — самолёт прогревал двигатели. Воздух был горячим, сухим, с привкусом керосина и пыли. Настоящий прифронтовой аэродром. Здесь не жили. Здесь отправляли. И возвращали не всех.

Майор шагнул вперёд, засунув руки в карманы кителя. Говорил негромко, но каждое слово врезалось в тишину между ревом моторов:

— Это наша база. Отсюда самолёты уходят на разведку. И отсюда же бомбят склады врага. А ты тут гость нежелательный. Отношение — соответствующее.

Алексей молчал. Только хрипло втянул воздух — горячий, колючий от пыли.

Майор отвёл взгляд в небо.

— Однако из всех, что прислало нам командование, ты — самый опытный пилот. Это твоя отсрочка от высшей меры за твое мерзкое прошлое.

Он выдержал паузу. Секунду. Две. Алексей чувствовал, как пот стекает по виску, щекочет кожу, оставляет мокрый след на воротнике куртки.

— И да, после выполненных заданий — удачных, неудачных, — майор говорил медленно, цедя каждое слово, — неважно, выживешь ты или умрёшь, — я тебе долгую и счастливую жизнь не гарантирую. Уяснил?

Алексей кивнул. Резко, до хруста в шейных позвонках.

— Уяснил, товарищ майор.

Голос сел, прохрипел, как несмазанный механизм. В горле пересохло так, что каждое слово царапало глотку.

— Вот и ладненько.

Майор окинул его взглядом сверху вниз. Тот самый взгляд, каким смотрят на вещь, которую приняли, но ещё не проверили в деле. Потом махнул головой в сторону бетонного бокса. Ворота были распахнуты настежь, внутри зияла темнота, пахло старым алюминием и машинным маслом.

— И да. С тобой в казарме никто не хочет находиться по причинам, известным тебе. Да и приказа о заселении я не получал. — Он чуть прищурился, сощурил глаза в щёлочки. — Видишь бокс? Он твой. Самолёт внутри. Ночуешь там же.

Он кивком указал на открытый проём. Алексей перевёл взгляд. Бетонный прямоугольник смотрел на него пустой пастью. Внутри угадывался силуэт самолёта, накрытый брезентом. Хищный, неподвижный. Как зверь в клетке.

Майор уже развернулся, но бросил через плечо:

— Располагайся, Орловский.

Сапоги заскрежетали по бетону, затихли вдали.

Алексей остался один. Ветер дёрнул чёрную кожу его куртки, заставил меховой воротник — светлый, почти белый на солнце — коснуться щеки. Он машинально поправил воротник, но рука замерла на полпути.

Он смотрел на открытый бокс. Темнота внутри казалась плотной, осязаемой. Оттуда тянуло холодом и металлом.

Алексей шагнул в ангар.

Сразу ударил запах — алюминий, мазут, старая резина и холодный бетон. Внутри было сумрачно, только из распахнутых ворот пробивался солнечный луч, выхватывая из темноты силуэт самолёта, укрытый серым брезентом.

Он остановился, провёл ладонью по грубой ткани. Под пальцами угадывались очертания крыла, жёсткие ребра обшивки. Подержал руку секунду, будто проверяя, живой ли.

Потом оглянулся. В углу стоял верстак, рядом — деревянный стол, заляпанный масляными пятнами. Алексей снял с плеча вещмешок, развязал горловину и вывалил содержимое на столешницу. Сверток с сухарями, две банки тушенки, смена полотенец, бритвенный прибор. Всё, что осталось от прежней жизни.

Он повернулся к самолёту. Схватил край брезента, дёрнул. Ткань тяжело сползла, зашуршала по фюзеляжу, открывая машину целиком.

Ил-2.

Двухместный. Бронированный штурмовик. Для пилота и стрелка-навигатора, что сидел сзади. Алексей прошел вдоль борта, провёл пальцами по холодному металлу, по заклепкам, по царапинам на обшивке. Старый. Видно, что ремонтировали не раз — следы сварки на крыле, свежие заплатки на фюзеляже. Но ещё летает. Такие машины умирали тяжело.

Он обошёл самолёт и забрался на крыло. Рывком откинул фонарь кабины — плексигласовая дверца, сдвигающаяся назад по направляющим, — и нырнул внутрь.

Кресло приняло его с глухим скрипом пружин. Алексей взялся за штурвал. Ладони легли на холодную сталь, пальцы обхватили кожаную оплетку — стертую, отполированную до блеска множеством чужих рук. Он окинул взглядом приборную доску. Компас, высотомер, указатель

скорости, тяги, тумблеры, ручка управления газом. Всё на своих местах. Всё привычное. Но внутри всё выглядело свежее, чем снаружи — новые растяжки, чистые стекла приборов, аккуратные скобы на тросах управления.

Он откинулся в кресле, прикрыл глаза. Уголки губ дрогнули в полуулыбке.

Алексей разбирался в самолётах. С раннего детства, с того самого дня, когда впервые увидел, как его отец, механик в лётной школе, колдовал над мотором учебного У-2. Тогда, в пятнадцать, он уже знал, как заменить прогоревшую прокладку, как отрегулировать клапана, как определить по звуку, что свеча заливает. Тяга к полетам была не просто мечтой — она сидела в нем с детства, как зубная боль. Он мог не спать ночами, разбирая схемы двигателей. Мог часами сидеть в кабине тренировочного самолёта, даже не взлетая, просто чувствуя себя частью машины.

Здесь, в этом старом Иле, снова было это чувство. Как будто он вернулся домой.

— Орловский!

Голос ударил откуда-то снаружи, из полумрака ангара. Алексей дёрнулся, распахнул глаза. Он не слышал шагов. Кто-то стоял у входа, черной фигурой на фоне слепящего солнца.

Алексей приподнялся, опершись руками о край кабины, и выглянул наружу.

— И почему ты? — произнес незнакомец. Голос глухой, с хрипотцой, словно у человека, который привык много курить и мало спать.

Мужчина шагнул вперёд, и солнечный свет на секунду ослепил его, а потом тень отступила, открывая фигуру. Лет тридцати пяти. Коротко стриженный, скуластый, с глубокими морщинами у рта. Глаза прищурены, как у человека, который привык всматриваться в горизонт. Потертая куртка пилота чёрная кожа меховой воротник, пилотка зажата в кулаке.

Он выдохнул — тяжело, устало.

— Что такое? — Алексей улыбнулся. Широко, по-свойски. Упираясь на кабину.

Мужчина остановился у крыла, поднял голову, разглядывая Алексея снизу вверх.

— У вас не ценят опытных пилотов? — Алексей хмыкнул.

— Ценят, — ответил он негромко, и голос стал жестче. — Но не пилотов-предателей.

— Ты много не знаешь, — произнес Алексей, и улыбка исчезла с его лица полностью.

Губы сжались в тонкую линию.

Мужчина усмехнулся — без веселья, одними ноздрями.

— Мне и не нужно. Хватает того, о чем люди говорят. И я им склонен верить.

Алексей посмотрел на него сверху вниз. Несколько секунд они мерили друг друга взглядами. Воздух между ними стал плотным, горячим.

— Не буду спорить, — сказал Алексей тихо. И отвёл глаза, протирая рукой стекло. — Как звать тебя?

Мужчина выдержал паузу. И ответил с достоинством, чуть вздернув подбородок:

— Егор. Егор Сухоруков. И я пулемётчик-навигатор в твоём экипаже.

Алексей вновь поднял глаза, и на губах медленно заиграла улыбка — осторожная, испытующая.

— Значит, напарники?

Он спустился с кабины пилота, легко прыгнул на бетон, оказавшись с Егором лицом к лицу. Протянул руку:

— Алексей Орловский. Пилот этого... — Он оглянулся на стоящую рядом машину, на ее побитую, выдавшую виды броню, на поцарапанные крылья, на свежие заплатки. — ...самолёта.

Егор смотрел на его ладонь. Секунду. Две. Словно решал, стоит ли касаться.

Потом нехотя, с явной неохотой, пожал.

Рука у Егора была жёсткой, сухой, с мозолистыми пальцами — рука человека, который привык держать оружие и тянуть лямку.

— Надеюсь, без выкрутасов, — сказал Сухоруков.

Алексей глянул на сцепленные ладони, потом поднял глаза. Улыбнулся.

— Не сомневайся.

Глава вторая

Самолёт шел над лесом.

Зеленое море тянулось до горизонта, кое-где прорезанное лентами рек и темными проплешинами болот. Где-то там, внизу, пряталась смерть. Алексей чувствовал это каждой клеткой — холодный пот на спине, пальцы, вцепившиеся в штурвал, напряженные глаза, сканирующие горизонт.

Сзади, за бронеспинкой, сидел Егор. Слышалось его дыхание — размеренное, спокойное, как у человека, который уже видел войну с самой страшной стороны.

Алексей улыбнулся про себя, покосился через плечо на силуэт навигатора, и крикнул:

— Слушай, Сухолапов!

— Я Сухоруков! — рявкнул Егор в ответ, перекрывая гул мотора. Голос его резал наушники. — И вообще с предателями разговор не веду. У нас задание!

Алексей усмехнулся, покачал головой.

— Ты ведь вроде не глупый мужик, — прокричал он, чуть развернувшись. Ветер бил в открытую кабину, трепал его чёрную куртку, задирали меховой воротник к подбородку. — Почему веришь в эти байки про меня, а?

Сухоруков промолчал. Только слышно было, как он передёрнул затвор пулемёта, проверяя ленту.

— Задание, — повторил Егор.

— Да-да, верно. Задание — Повторил Алексей.

Он глянул на компас, сверил маршрут, потом снова всмотрелся вниз, в бескрайний лесной массив. Глаза за секунды привыкли, выхватывая из зелени малейшие несоответствия.

— Как думаешь, сколько в колонне техники? — крикнул он.

— Не знаю! — прокричал Егор, не оборачиваясь. — Рули и смотри внимательнее!

Алексей хмыкнул.

— Рулю, рулю, — пробормотал он себе под нос, покачивая самолёт с крыла на крыло, вглядываясь в лесные просеки.

Полет длился ещё минут пятнадцать. Пятнадцать минут напряжения. Пятнадцать минут, когда даже воздух в кабине стал тяжёлым, вязким, как смола. Только гул мотора, только ветер в ушах, только стрелки приборов, покачивающиеся в такт вибрации.

Алексей первым увидел их. Маленькие, серые, почти сливающиеся с дорогой. Но он знал, как выглядит техника врага. За годы войны он научился видеть их даже сквозь дымку.

— Вот они! — закричал Алексей, резко выпрямившись в кресле. — Вижу колонну! Три машины! Двигаются по лесной дороге!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.